
ТУРЕЦКИЕ РЕФОРМАТОРЫ XIX в. И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НЕТУРЕЦКИХ НАРОДОВ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Доктор ист. наук Ю. А. ПЕТРОСЯН (Ленинград)

Даже при самом беглом взгляде на историю Османской империи конца XVIII—XIX вв. нельзя не заметить, что все более или менее значительные шаги султана и Высокой Порты, направленные на преобразование государственных, социальных или военных институтов этой страны, следовали за крупными событиями в борьбе нетурецких народов империи за освобождение от власти османских султанов.

Русско-турецкие войны конца XVIII в. не только сделали совершенно очевидным глубокий кризис—социальный и военно-политический—империи османов, но и выявили готовность нетурецких народов империи перейти от разрозненных проявлений недовольства гнетом султанских властей к организованной борьбе за освобождение из-под власти султана и Порты. Как известно, вскоре после русско-турецких войн начались реформы султана Селима III, открывшие целую эпоху реформ в Османской империи. В 1821 г. началось знаменитое греческое восстание, а в 1822 г. в Эпидавре была провозглашена независимость Греции. За этими событиями последовали не только попытки подавить освободительную борьбу греков, закончившиеся неудачей, но и новые шаги на пути реформ. В 1826 г. был ликвидирован оплот феодально-клерикальной реакции—янычарский корпус. Началу танзиматских реформ 40—60-х гг. также предшествовали события турецко-египетского конфликта, который серьезно угрожал турецкому владычеству на арабских землях. Что же касается первой турецкой конституции 1876 г., то ее появление было прямым следствием обострения социально-политического кризиса Османской империи в результате мощных освободительных восстаний нетурецких народов на Балканах.

Мы перечислили эти исторические факты отнюдь не для того, чтобы утверждать, что освободительная борьба нетурецких народов была единственным стимулом к проведению реформ в Османской империи. К реформам правящие круги побуждались и очевидным экономическим отставанием Османской империи от развитых европейских держав, глубоким кризисом ее военно-феодального строя, полным упадком военной мощи султанской державы. Нараставшее стремление нетурецких народов к освобождению, все большие военно-политические трудности в подавлении этого стремления были в числе других факторов, толкавших правящие круги империи к реформам. Но среди всех этих факторов борьба нетурецких народов империи за свое освобождение, за национальную, в том числе государственную, автономию или самостоятельность занимала совершенно особое место. Как феодально-клерикальная реакция, так и турецкие реформаторы всех мастей более всего боялись распада империи. И на всех этапах внутренней борьбы между консерваторами и реформаторами вокруг проектов танзиматских реформ или первой турецкой конституции их объединяло поразительное единодушие в отрицании права нетурецких народов на борьбу за национальное освобождение, за свою государственность. Когда надо было подавить эту

борьбу, противники и сторонники реформ всегда находили общий язык, общую политическую платформу. Особенно проявила себя эта тенденция в течение 1876 г., в период борьбы за конституцию¹.

Вряд ли необходимо и целесообразно пытаться точно определить, что больше стимулировало реформы и реформаторов—внутренние экономические неурядицы, международное положение или освободительные движения. На разных этапах периода борьбы за реформы они не раз менялись местами. Но не будет преувеличением сказать, что общее дело реформ в империи османов продвигалось более энергично именно потому, что реформаторов постоянно стимулировали национальные проблемы империи, оказавшиеся в центре международной политики. Угроза распада империи под ударами освободительных движений была понятнее для османских сановников, она проявляла себя и далеко от столицы и в ней самой. Это обстоятельство как бы находилось на самой поверхности событий, тогда как пружины финансовых кризисов или дипломатических баталий далеко не всегда и не всем были видны и понятны. Вот почему психологическое воздействие освободительной борьбы нетурецких народов было одним из самых устойчивых факторов влияния на реформаторов, особенно в мирное время, когда угроза отторжения территорий от империи в результате военного столкновения с другой державой была как бы неопределенной опасностью. Между тем борьба нетурецких народов за свое освобождение не только несла в себе такую угрозу постоянно, но и становилась в XIX в. чаще всего поводом для военного столкновения Османской империи с европейскими державами, особенно с Россией².

Таким образом, все турецкие реформаторы, от султана Селима III до первых турецких конституционалистов, хотели непременно сохранить власть османских султанов над покоренными в прошлом силой оружия народами. Хотели этого все, но подходы к решению этой проблемы были разные. Султан и большинство сановников продолжали выдвигать на первый план репрессивные меры, которые и могли быть обеспечены с помощью реформ по укреплению армии и центральных органов власти. Поколение новой османской бюрократии, бывшее результатом сдвигов в сфере образования и культуры в первой половине XIX в., предпочитало уже комбинирование средств устрашения и подавления с проведением таких реформ администрации и судопроизводства, которые бы свидетельствовали о равном отношении султана и Порты к подданным разных вероисповеданий. Наконец, турецкие конституционалисты, ядро которых составила молодая турецкая интеллигенция, выдвинули на первый план борьбы с освободительными движениями нетурецких народов империи концепцию единства всех подданных султана в качестве «османов»—«детей общей родины». Три отмеченные тенденции в подходе турецких реформаторов разных мастей к проблеме положения и борьбы нетурецких народов далеко не всегда присутствовали в чистом виде в идеях и практике реформаторов. Они варьировались в зависимости от конкретной ситуации, в разных комбинациях отражались в тех или иных политических решениях и действиях султана и его администрации, в программных установках конституционалистов 60—70-х гг. и младотурок в конце XIX—начале XX вв.

¹ См. об этом: Ю. А. Петросян. Русско-турецкие отношения и первые турецкие конституционалисты (1875—1877).—Историко-филологический журнал. 1984, № 4, с. 45—58.

² См. об этом: Восточный вопрос во внешней политике России (коллектив авторов). М., 1979.

Что касается традиционного для султанских властей метода подавления восстаний нетурецких народов с помощью оружия, применения метода массовых репрессий на Балканах и в арабских провинциях, на армянских землях или в районах, населенных курдами, то факты такого рода известны широко, представлены на материале самых разнообразных источников в весьма обширной исторической литературе. Гораздо менее освещены другие, характерные именно для периода движения за реформы в Османской империи, методы борьбы с национальными чаяниями и устремлениями нетурецких народов—отвлечение от этих устремлений с помощью административных реформ, создававших видимость равенства подданных султана всех вероисповеданий, а также посредством пропаганды концепции османизма. Эти два направления в деятельности турецких реформаторов XIX в. в последние годы стали предметом пристального внимания советских туркологов³. Результаты проделанной работы позволяют дать обобщенную характеристику политики турецких реформаторов XIX в. по отношению к борьбе нетурецких народов Османской империи.

Рассмотрим прежде всего деятельность турецких реформаторов в области административного управления и судопроизводства, направленную на создание ситуации формального равенства всех подданных султана. Уже на рубеже 20—30-х гг. султан Махмуд II, явно пытаясь извлечь уроки из мощных антитурецких восстаний сербов (1815 г.), греков (1821—1827), валахов (1821), сделавших реальным вмешательство европейских держав во внутренние дела империи османов, сделал ряд жестов, призванных продемонстрировать его «отеческое» отношение к подданным всех вероисповеданий. Вскоре после ликвидации корпуса янычар появился султанский указ, который предписывал провинциальным властям не чинить произвола по отношению к подданным-христианам, охранять их личную безопасность и собственность. Затем Махмуд II отменил существовавшее веками обязательное различие в одежде подданных-мусульман, христиан и евреев. Наконец, в 1837 г. султан решил высказаться по поводу равенства всех своих подданных. Произошло это во время его поездки по землям Румелии, где он знакомился с жизнью населения края. Прибыв в Шумен, султан обратился с речью к собравшимся местным почетным лицам, в которой заявил, что не различает своих подданных в зависимости от их вероисповедания. При этом Махмуд II подчеркнул, что всех подданных, безропотно уплачивающих налоги, охраняют законы империи и его монаршая воля. Султан забыл добавить, что подати для мусульман и немусульман были весьма различными и по форме и по размерам, а от произвола султанской администрации немусульмане всегда были менее защищены, чем мусульмане.

Любопытную деталь подметил прусский офицер Хельмут Мольтке (впоследствии знаменитый военачальник), бывший при Махмуде II военным инструктором в турецкой армии. Будучи очевидцем поездки султана в Шумен, он описывал церемонию встречи Махмуда II. Выстропв-

³ См.: Н. А. Дулина. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984; А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972; Ю. А. Петросян. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958; он же. Младотурецкое движение (вторая половина XIX—начало XX вв.). М., 1971; Р. А. Сафрастьян. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи. Ереван, 1985; И. Е. Фадеева. Мидхат-паша: Жизнь и деятельность. М., 1977; И. Л. Фадеева. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм). М., 1985.

шнеся по обе стороны пути следования султанского кортежа местные жители расположились отдельно—мусульмане справа, а немусульмане слева. При этом первые встречали султана стоя, а вторые распростершись на земле. Они могли позволить себе встать только после проезда султана⁴. Эта деталь была лучшим комментарием к словам султана о равенстве его подданных. Но все же и слова что-то значили в той ситуации, ибо они были косвенным признанием фактического неравенства и необходимости создать хотя бы видимость равенства формального. Ведь ничего в положении нетурецких народов империи не изменили заявления султана-реформатора, но зато на них теперь могла ссылаться Порты в очередных дипломатических баталнях по поводу положения сербов или греков, болгар или валахов. Эти торжественные слова можно было представить европейскому общественному мнению как показатель справедливости власти султана. Единственное, чего нельзя было сделать с их помощью, это заставить поверить в свое равенство самих немусульманских подданных султана, продолжавших стремиться к освобождению от османского ига.

Жизнь остро требовала от султана и Порты практических шагов, направленных на обеспечение гарантий жизни и имущества всех подданных империи, их равенства перед законом. Этой цели были подчинены многие мероприятия, проведенные в период танзиматских реформ 40—начала 70-х гг. XIX в. Гюльханейский хатт-и хумаюн 1839 г., положивший начало этим реформам, содержал обещание султана обеспечить «всем нашим подданным совершенную безопасность их жизни, чести и имущества»⁵. На этот раз дело, казалось, не ограничилось словами. Впервые при вали (генерал-губернаторах) были созданы совещательные советы—меджлисы, которые должны были включать в себя представителей местного населения, мусульманского и немусульманского. Но что это означало на практике, видно из следующих слов русского очевидца событий того времени. «По смыслу хатт-и хумаюна местные советы, или меджлисы, должны состоять из известного числа членомусульман и равного числа членов христианских вероисповеданий... Как ни благотельно такое учреждение, оно не достигает своей цели, ибо число мусульман далеко превышает число христиан в меджлисе, ограничивающееся только ходжа-башамп (сельскими старостами,— Ю. П.), ибо не только не избираются другие члены из христиан, но и самые митрополиты и епископы или не приглашаются или сами не являются, видя бесполезность своего там присутствия»⁶. Тот же наблюдатель деятельности меджлисов отмечал, что роль представителей немусульманского населения ограничивалась в этих новых органах послушной поддержкой решений, принимаемых мусульманским большинством. Это впечатление подтверждают другие очевидцы. Английский дипломат Баркер говорил, что немусульмане всегда составляли в провинциальных меджлисах незначительное меньшинство, а австрийские консулы в Русе и Сирии писали, что представители немусульман в меджлисах лишены какой-либо самостоятельности, их присутствие в них сведено к пустой формальности⁷.

⁴ А. Д. Новичев. История Турции. II: Новое время, часть первая (1792—1839), Л., 1968, с. 248—250.

⁵ Цит. по: А. Убичини, П. де Куртейль. Современное состояние Оттоманской империи. Пер. с франц. СПб., 1877, с. 204.

⁶ Цит. по: Н. А. Дулина. Указ. соч., с. 79.

⁷ А. Д. Новичев. История Турции. III: Новое время, часть вторая (1839—1853). Л., 1973, с. 139.

Пожалуй, единственной реальностью, хоть как-то отразившейся на положении немусульман, было в тот период изменение характера налога джизье—особенно унижительной для немусульман подушной подати. В 1850 г. был обнародован указ о том, что впредь его будут собирать не государственные сборщики, а старшины местных немусульманских общин. При этом джизье стал рассматриваться не как подушная подать—плата за покровительство султана, а как компенсация за освобождение немусульман от службы в армии султана⁸. В этой связи возникает два замечания. Изменение формы и способа сбора налога не меняло того факта, что немусульмане платили особый денежный налог. Что же касается «компенсации» за неучастие в военной службе, то независимо от того, хотели или не хотели немусульмане воевать за империю, отнюдь не ставшую для них «лоном родины», сам факт недопущения их в султанскую армию определялся не их желанием или нежеланием, а недоверием к ним султана и Порты, боязнию доверить им оружие. Следовательно, это было очевидное проявление неравноправного положения немусульман в государстве, провозгласившем равенство всех своих подданных. И хотя в том же 1850 г. в Порте был рассмотрен и даже одобрен проект закона о допуске немусульман в армию, он не был реализован. Абсолютное большинство турецкого населения и сановников султана решительно этому противилось, видя в подобном решении прямое покушение на господствующее положение мусульман в империи османов. В 1855 г. все же был издан султанский указ о допуске немусульман в армию, но и он остался на бумаге. Он был реализован только в той части, которая отменяла подать джизье и вместо нее вводила новый налог, который немусульмане должны были платить за освобождение от воинской повинности.

Нельзя не отметить, что эти реформаторские акты, оставшиеся на бумаге, тоже появились в обстановке резкого обострения Восточного вопроса на рубеже 40—50-х гг., когда по инициативе России в центре европейской политики был вопрос о положении христиан в Османской империи. Не случайно, что в 1854 г. был издан и указ султана о создании во всех провинциях империи так называемых смешанных уголовных судов, которые должны были разбирать уголовные конфликты между мусульманами и немусульманами. В этих судах, в отличие от шариатских судов, свидетельские показания немусульман должны были приниматься наравне с показаниями мусульман. Предусматривалось участие в этих судебных органах оветского характера представителей немусульманского населения. Что же произошло на деле? «Практическое применение указа,—отмечает А. Д. Новичев,—натолкнулось на сопротивление турецких провинциальных чиновников и мусульманского населения. Состав судов определяли вали, и они старались, чтобы большинство членов суда состояло из мусульман. Из христиан же они подбирали в его состав таких людей, которые рабски следовали его указаниям»⁹.

Хатт-и хумаюн 1856 г., открывший новый этап танзиматских реформ, содержал следующие слова: «Обеспечения, обещанные с нашей стороны хатт-и хумаюном Гюльханейским и законами танзимата всем подданным империи, без различия классов и вероисповеданий, в ограждение их личности и имущества, и охранение их чести, ныне подтверждаются и упрочиваются; и будут приняты действительные меры к тому,

⁸ Там же, с. 140.

⁹ Там же, с. 166.

чтобы они возмели полную и совершенную силу»¹⁰. Витиеватый язык указа никак не может скрыть содержащегося в нем признания нерезультативности предыдущих реформ. Что же касается проблемы равенства немусульман перед законом в предшествующий период реформ, то ее нерешенность особенно подчеркивает то обстоятельство, что половину статей хатт-и хумаюна 1856 г. заняли заявления о гарантии свободы вероисповедания, прав немусульманских общин, о допуске немусульман ко всем гражданским должностям, во все правительственные школы, в том числе военные, и т. п.

Что же на практике принес немусульманским подданным султана этот этап деятельности турецких реформаторов? Произошло расширение светской системы судопроизводства. В законе о вилайетах 1864 г. и ряде последующих постановлений, касавшихся деятельности светских судов—низамийе, принцип представительства немусульман в составе судов был торжественно декларирован вновь. Но кто определял состав «выборных» членов суда? Специальные комиссии, большинство в которых составляли не просто мусульмане, а должностные лица провинциальных органов власти. Окончательное слово о составе суда принадлежало на практике начальникам округов и губернаторам провинций. В результате как состав судов, так и их практическая деятельность целиком находились под контролем османской бюрократии. Это обстоятельство отмечали многие очевидцы событий в Османской империи 60—70-х гг. Один из них, англичанин Ф. Миллингем, принявший ислам и служивший в турецкой армии, писал, что одного слова начальника какого-нибудь правительственного департамента бывало вполне достаточно, чтобы суд принял угодное ему решение¹¹. И еще одно обстоятельство следует принять во внимание при оценке деятельности судов низамийе как рекламировавшегося Портой доказательства равенства подданных всех вероисповеданий. Хотя число мусульман и немусульман в составе судов должно было быть равным, на огромных территориях, где проживало в основном немусульманское население, в частности на Балканах, этот принцип, даже если бы он последовательно соблюдался, вновь ставил немусульман в неравноправное положение. Едва ли не десятая часть населения, которую составляли здесь мусульмане, имела при такой системе явное преимущество, ибо получала непропорционально равное представительство в судебных органах.

Закон о вилайетах 1864 г. предусматривал также формирование при губернаторах и начальниках округов консультативных советов—меджлисов. Но поскольку в их состав по должности включались главы основных провинциальных правительственных ведомств, бывшие исключительно мусульманами, а выборных членов должно было быть четверо, из них двое немусульман, то очевидно, что гораздо более двух третей новых советов составляли немусульмане. Кроме того, советы эти вообще не играли никакой реальной роли в административном управлении. Один французский исследователь истории Османской империи писал об этих совещательных органах, что их авторитет «не более чем иллюзия», ибо они подавляются всемогуществом губернаторов, «власть

¹⁰ Цит. по: А. Убичини, П. де Куртейль. Указ. соч., с. 208.

¹¹ F. Millingen. La Turquie sous le règne d'Abdul-Aziz (1862—1867). Paris, 1869, p. 257.

которых на практике—все, тогда как власть меджлисов—ничто»¹². Об этом же сообщал в 1865 г. русский консул в Видине¹³.

В конце 50—начале 60-х гг. Порта стала демонстрировать свою готовность допустить немусульман и в высшие эшелоны власти. В 1856 г. впервые в состав Высшего юридического совета были назначены немусульмане. Но и здесь отбор был целенаправленным. В состав Совета вошли лица, имевшие давние тесные связи с высшей османской бюрократией—крупные ростовщики или откупщики. И хотя опасность неLOYALности со стороны таких представителей немусульманского населения практически отсутствовала, их численность в Совете, состоявшем в основном из крупных турецких сановников и мусульманского духовенства, определялась так, чтобы они составляли незначительное меньшинство. Другим столь же демонстративным жестом Порты был ввод в состав султанского кабинета министров в 1868 г. армянина Григора Агатона, которому был поручен пост министра общественных работ¹⁴. Наконец, при создании в 1868 г. нового высшего органа власти—Государственного совета, в его состав было введено 13 немусульман (из 41 члена Совета). По словам современного турецкого историка, члены Совета—немусульмане были отобраны самим великим везирем из числа банкиров и подрядчиков, тесно связанных с Портой¹⁵. Как видно, и в данном случае султан и Порта, вынужденные под давлением внутренних событий и международной ситуации допустить участие немусульман в высоком органе власти, сделали все необходимое, чтобы представители немусульман были лицами, удобными для правящих кругов империи.

Мы привели ряд фактов, достаточно хорошо известных историкам-туркологам, но часто теряющихся в общем изложении разнообразных событий истории Османской империи в XIX в. Между тем, собранные воедино и рассмотренные специально под углом зрения оценки направленности и результативности реформ по обеспечению равенства всех подданных султана, они убедительно свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что реформаторы и не намеревались обеспечить подлинное равенство. Н. А. Дулина отмечает, что вдохновитель реформ танзимата Мустафа Решид-паша и его единомышленники понимали проблему равенства «ограниченно, как равное право немусульман на гарантию безопасности жизни, чести и имущества, но не на равное право в управлении государством»¹⁶. Нельзя не согласиться и с А. Д. Новичевым, который писал, что «Решид-паша с самого начала понимал декларируемое им равенство весьма ограниченно и преследовал главным образом цель приостановить распад Османской империи»¹⁷.

По мере того как становилось ясно, что административными полумерами, показной характер которых был для современников очевиден, волну освободительных движений нетурецких народов сбить не удастся, руководители Порты пытались обновить арсенал политических средств борьбы с этими движениями. В 60-х гг. XIX в. в их числе сказались так называемые «национальные конституции»—новые регламен-

¹² A. du Velay. Essai sur l'histoire financière de la Turquie. Paris, 1903, pp. 216—220.—Излагается по: А. Д. Новичев. История Турции. IV: Новое время, часть третья (1856—1875). Л., 1978, с. 163.

¹³ См.: И. Е. Фадеева. Указ. соч., с. 22.

¹⁴ О. Г. Илджикян. Буржуазия Османской империи. Ереван, 1977, с. 42.

¹⁵ O. Aldikaçtı. Anayasa hukukumuzun gelışmesi ve 1931 Anayasası. I İstanbul, 1966, s. 63.—Излагается по: А. Д. Новичев. История Турции. IV, с. 173.

¹⁶ Н. А. Дулина. Указ. соч., с. 141.

¹⁷ А. Д. Новичев. История Турции. III, с. 195.

ты деятельности немусульманских религиозных общин—миллетов¹⁸. Реформа статуса миллетов, в основе которой было разделение религиозных и светских дел общины, проводилась Портой под флагом дальнейшего развития принципа внутреннего самоуправления общины. Этому должны были способствовать слова «конституция», как пышно именовались новые регламенты, или «национальное собрание», как были громко названы советы общин, призванные руководить их гражданскими делами. Между тем «национальные собрания», главной задачей которых было обеспечивать выполнение членами общины обязанностей налогоплательщиков, Порта использовала для обострения борьбы за влияние в общинах между различными группами духовенства и национальной буржуазии. Тем самым ослаблялось то единство членов общины, которое веками позволяло им сохранять национальное достоинство и традиции. После введения в действие новых регламентов, разделивших духовные и светские дела немусульманских общин, гражданские дела общин оказались под контролем Порты, которая ставила цель сделать гражданские советы общин частью административной системы Османской империи. Закон о вилайетах 1864 г. практически поставил эти советы под контроль турецкой провинциальной администрации. Сложившуюся ситуацию современный болгарский исследователь М. Манолова характеризует так: «Если раньше самоуправление болгар существовало лишь в силу традиций, то теперь оно стало частью турецкой административной системы»¹⁹. Так Порта, внушая немусульманским общинам мысль о том, что новые регламенты предоставляют немусульманам чуть ли не гражданскую автономию, на деле поставила светские внутренние дела общин под более жесткий, чем ранее, контроль. В обстановке резкого усиления национально-освободительной борьбы на Балканах в 60-х гг. XIX в. «национальные конституции» стали для Порты одним из средств предупреждения дальнейшего развития освободительных чувств и устремлений у греков и армян. Иллюзорность этих надежд со всей очевидностью показали дальнейшие исторические события. Остановить, повернуть вспять освободительные движения нетурецких народов империи на этом этапе их развития Порта оказалась не в состоянии.

Уже в середине XIX в. в правящих кругах Османской империи были люди, осознавшие явную необходимость поисков новых путей сохранения турецкого господства над покоренными в прошлом силой оружия народами. В русле этих поисков и появилась на рубеже 50—60-х гг. в арсенале идейно-политических средств руководителей Порты идея «слияния» всех народов Османской империи. Зачатки этой идеи можно обнаружить в высказываниях Решид-паши, который еще в 1846 г. заявил в своем публичном выступлении перед руководителями христианских общин в Эдирне: «Все мы являемся подданными одного и того же правительства, родились и живем в одной стране»²⁰. Решид-паша ввел термин «тебаа» (подданные) как понятие, объединяющее все народы империи. Продолжатели дела танзиматских реформ Али-паша и Фуад-паша в ряде документов—докладных записках султану и своих политических завещаниях—призывали обеспечить единство всех подданных султана в качестве важнейшего условия сохранения империи османов²¹.

¹⁸ Подробно о них см.: А. Убичини, П. де Куртейль. Указ. соч., с. 168—186.

¹⁹ М. Т. Манолова. Правното положение на българската община през последните десетилетие на Османското владичество.—Известия за правни науки при БАН. Т. XXI, 1967, с. 191.—Цит. по: А. Д. Новичев. История Турции. III, с. 156.

²⁰ Цит. по: Р. А. Сафрастьян. Указ. соч., с. 29.

Примечательно, что Али-паша прямо писал, что восстания нетурецких народов против правительства следует предупреждать, признавая формальное равенство прав всех подданных империи. В противном случае он считал невозможным сохранение покорности нетурецких народов султану и Порте²². Али-паша призывал султана создать такую ситуацию, при которой все подданные империи «ощущали бы себя не покоренными мусульманским государством, а слугами и подданными превосходного монарха, который всех одинаково защищает»²³. При этом авторы идеи «слияния» твердо намеревались сохранить господствующее положение турок в будущем сообществе равноправных подданных султана²⁴. В политическом завещании Фуад-паши есть такое откровение: «Какая-нибудь Черногория, какое-нибудь Сербское княжество или Армянское царство не принесут никакой пользы ни самим себе, ни миру. Они могут быть только государствами более или менее химерическими, представляя собой несчастные остатки старых разделов человечества, неизбежную добычу всякого нового завоевателя,—политические тела, вредные для прогресса, опасные для спокойствия мира»²⁵. Трудно поверить в искренность призывов к равенству, исходивших от человека, который высказывался столь откровенно в духе великодержавного шовинизма.

Идеи «слияния», высказывавшиеся лидерами танзиматских реформ 50—60-х гг., обычно не выходили за пределы высших канцелярий Порты, обсуждались в узком кругу занятых реформами сановников. Они, конечно, отразились в ряде отмеченных выше практических действий реформаторов, в их призывах к созданию смешанных учебных заведений для совместного обучения детей мусульман и немусульман. Но сколько-нибудь заметного общественного резонанса эти идеи не получили. Широко пропагандироваться они стали лишь на рубеже 60—70-х гг. первыми турецкими конституционалистами—«новыми османами» через печать, в том числе периодическую. Этот важный этап, на котором произошло формирование доктрины османства, заслуживает более подробного рассмотрения в рамках данной статьи.

Но прежде отметим еще одно, на наш взгляд весьма примечательное обстоятельство. Само создание тайного «Общества новых османов» (1865 г.), а затем и новоосманская эмиграция (1867—1871 гг.) происходили в обстановке нового обострения антитурецких освободительных движений нетурецких народов. В 1861 г. Молдова и Валахия добились провозглашения единого румынского государства, лишь формально находившегося в вассальной зависимости от султана. Это было новым крупным территориальным уроном для Османской империи и серьезным ударом по ее престижу. На рубеже 50—60-х гг. постоянно вспыхивал огонь антитурецких восстаний в Боснии и Герцеговине. В 1861—1862 гг. боснийские и герцеговинские крестьяне еще раз взялись за оружие. Подавление этих выступлений, которые были поддержаны Черногорией, далось Порте с большим трудом. В 1862 г. патриоты Сербии начали борьбу за ликвидацию вассальной зависимости от османских султанов. Весной 1867 г. Порте пришлось передать сербам ряд сербских крепостей, в том числе Белград, которые занимали турецкие войска. В 1862 г. произошло героическое восстание армян-горцев Зейтуна против

²² [A. D. Mordtmann]. *Sambul und das moderne Turkentum*. Bd. I, Leipzig, 1877, S. 83—84.

²³ *Ibid.*, S. 84.

²⁴ См. об этом: Р. А. Сафрастьян. Указ. соч., с. 39—40.

²⁵ Цит. по: О. Г. Инджикян. Указ. соч., с. 48.

турецкого владычества. В 1866—1868 гг. полыхало пламя восстания греков на с-ве Крит, которое Порта смогла подавить жесточайшим образом после двух лет кровопролитных сражений между повстанцами и султанскими войсками. На рубеже 60—70-х гг. в Болгарии стали складываться предпосылки всенародного восстания против османского ига.

В этих условиях и зародилось турецкое конституционное движение²⁶, одной из первостепенных своих задач считавшее защиту целостности и независимости Османской империи. Не случайно первые политические выступления лидеров «новых османов» были порождены именно их негативной реакцией на освободительные движения нетурецких народов. Намык Кемаль на страницах газеты «Тасвир-и эфкяр» (Изображение идеи) в 1866—начале 1867 гг. не раз резко выступал против повстанческой борьбы критских греков, обвинял Порту в недостаточной твердости по отношению к повстанцам, открыто призывал навести «порядок» на острове, не останавливаясь перед уничтожением всех христиан Крита²⁷. Намык Кемаль и Али Суави самым решительным образом выразили на страницах газет «Тасвир-и эфкяр» и «Мухбир» (Корреспондент) свой протест против уступок, сделанных Портой Сербии. Особенно возмущал их вывод турецких гарнизонов из Белграда и ряда других крепостей, переданных Портой сербам²⁸. В 1868 г. один из идеологов «новых османов» Зия-паша писал в своем публицистическом произведении «Прошение», адресованном султану, что Порта, уступая повстанцам под нажимом европейских держав, содействует росту освободительных движений нетурецких народов империи. Отношение самого Зии к этим движениям характеризует, например, его оценка борьбы черногорцев за независимость, которую он определял не иначе как действия «разбойников»²⁹. Али Суави в одной из своих брошюр, опубликованной на французском языке в Париже, призывал Порту не только решительно подавлять восстания в Герцеговине, но и проявлять должную твердость в установлении «порядка» после укрощения восставших, опираясь на «военные советы», которые помогут обеспечить применение всей строгости законов³⁰.

Однако лидеры первых турецких конституционалистов не могли не видеть, что меры устрашения, сила оружия и репрессии не в состоянии сломить стойкость борцов за национальное освобождение и независимость. Именно поэтому они взяли на вооружение в своей идеологической борьбе за сохранение целостности империи османов доктрину османизма, в основе которой лежала пресловутая идея «слияния» всех народов империи.

Если Али-паша и Фуад-паша говорили о «слиянии» различных народов, то идеологи конституционалистов 60—70-х гг. предложили еще более простую формулу—все жители Османской империи, все подданные султана—«османы», «дети одной отчизны», объединенные общим чувством «османского патриотизма». При выдвижении такой концепции общности всех народов Османской империи ее создатели, сознательно игнорируя исторические факты, убеждали читателей издававшихся «но-

²⁶ См. об этом: Ю. А. Петросян. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции.

²⁷ Р. А. Сафрастьян. Указ. соч., с. 84.

²⁸ М. С. Кунтау. Namık Kemal. Devrinin İnsanları ve olayları arasında. Cilt I, İstanbul, 1949, s. 470.

²⁹ Ziya-paşa'nın arzuhali, İstanbul, 1327 (араб. шрифт), ss. 31, 35—38.

³⁰ Ali Suavi. A propos de l'Herzegovine. Paris, 1875, pp. 92—94.

выми османами» газет и публицистических брошюр, что освободительные движения нетурецких народов инспирированы европейскими державами, главным образом Россией³¹. Идеологи османизма, игнорируя известные факты жесткой ассимиляторской деятельности турецких завоевателей, утверждали, что все нетурецкие народы империи были покорены не столько силой оружия, сколько правосудием османских султанов, которым не было свойственно какое-либо принуждение по отношению к покорившимся им народам. Идеи такого рода высказывались на страницах газет «новых османов», в их публицистике. Пожалуй, наиболее полно и откровенно они были изложены лидером турецких конституционалистов Мидхат-пашой в его брошюре «Турция, ее прошлое и будущее»³². Весьма примечательно, что именно Мидхат-паша, один из главных пропагандистов идеи османизма, был и первым турецким администратором, показавшим в годы своего пребывания на посту генерал-губернатора Дунайского вилайета, что на практике идеи османизма оборачиваются жесточайшим подавлением национально-освободительных движений, в частности освободительной борьбы болгарского народа³³.

В теории же у лидеров конституционалистов 60—70-х гг. все выглядело почти идиллически. Они в десятках газетных статей рисовали радужные картины будущего «братства» народов Османской империи в случае превращения ее в конституционную монархию. Мидхат-паша утверждал, что с установлением конституционного правления наступит эра согласия и благоденствия всех народов страны, начнется эпоха их возрождения и развития, возникнет прочный их союз³⁴. А пока этого не произошло, нужно противопоставлять освободительным движениям нетурецких народов чувство «единой родины» и «общего патриотизма»³⁵. При этом идеологи османизма, казалось, были готовы реализовать лозунги единства и равенства на деле. Ведь они декларировали создание палаты депутатов из представителей всех народов империи. Так, Намык Кемаль писал в эмигрантской газете «новых османов» «Хюрриет» (Свобода), что в палате депутатов будут лица всех вероисповеданий³⁶. Это пропагандировалось со страниц газет, но тот же Намык Кемаль писал в одном неопубликованном письме: «Мы говорим, однако, что если христиане потребуют у нас власть, то, естественно, они не будут иметь права жаловаться на то, что мы не включили их в правительство»³⁷. Но и на этом не останавливалась мысль крупного идеолога и пропагандиста доктрины османизма. Он пытался теоретически обосновать право турок на их господствующее положение в империи, заявляя: «Среди османов и по количеству людей и по способностям первое место занимают турки, обладающие такими преимуществами, достоинствами и качествами, как

³¹ См. об этом: А. Д. Желтяков. Указ. соч., с. 112—115, 131—133, 137; Ю. А. Петросьян. Младотурецкое движение, с. 125—130; Р. А. Сафрастьян. Указ. соч., с. 81—101.

³² Midhat-Pasha. La Turquie, son passé, son avenir. Paris, 1878.—Мы пользовались турецким переводом, опубликованным в 1908 г.

³³ См. об этом: Р. А. Сафрастьян. Указ. соч., с. 63—79; И. Е. Фадеева. Указ. соч., с. 20—39.

³⁴ Midhat-pasha. Memalik-i osmaniyyenin mazı ve hal ve istikbalı. DerisaaDET 1324 (араб. шрифт), ss. 31—32.

³⁵ Ibid., ss. 14—15.

³⁶ Hürriyet, 7.IX.1868, s. 8.

³⁷ М. С. Кунтау. Op. cit., s. 186.

широта познавательных способностей, природная выдержка, выносливость и спокойствие»³⁸. Мы не беремся судить, чего в этих словах больше—великодержавного шовинизма или просто неуважения к другим народам. Но даже турецкий историк Ш. Мардин вынужден признать, что при таком самовосхвалении трудно было заставить этнические меньшинства Османской империи уверовать в возможность своего равноправия с турками³⁹.

И все же в 1876—1878 гг. была предпринята еще одна такая попытка. 23 декабря 1876 г. в Стамбуле торжественно была провозглашена первая конституция Османской империи. Силы, которые за нее боролись, видели в ней важнейшее условие экономического и культурного прогресса страны. Но не в меньшей степени она была для них средством борьбы за сохранение целостности империи, всего рода плотной на пути освободительных движений нетурецких народов, борьба которых, резко усилившаяся в 1875—76 гг., была в числе важнейших факторов, позволивших конституционалистам добиться провозглашения конституции⁴⁰. Султан Абдул-Хамид II и клерикальная реакция пошли на эту уступку только под угрозой вмешательства европейских держав в события на Балканах, где буквально бушевало пламя национально-освободительной борьбы нетурецких народов империи. Отнюдь не случайным было то широко комментировавшееся в европейской прессе обстоятельство, что сразу же после провозглашения конституции великий везир Мидхат-паша посетил армянского и греческого патриархов в их резиденциях и беседовал с ними о необходимости сплочения всех народов Османской империи⁴¹. Впервые в истории наносивший визиты главам общин султанский великий везир был крайне озабочен тем, чтобы духовные пастыри этих общин удержали, опираясь на конституционные гарантии равных прав и свобод для всех подданных султана, свою паству от антитуецких выступлений, от стремления к национально-освободительной борьбе.

Между тем конституция 1876 г. трактовала проблему равенства всех народов Османской империи в очевидно «османистском» духе. Достаточно процитировать несколько ее положений. «Османская империя.. составляет одно нераздельное целое, от которого никогда не может быть отделена никакая часть по какому бы ни было поводу» (статья 1). «Все подданные империи безразлично называются османами, какова бы ни была исповедуемая ими религия» (статья 8). «Каждый член палаты депутатов служит представителем всех османов, а не исключительно того округа, который его выбрал» (статья 71). Свобода вероисповедания допускалась, но при условии, что она не наносит «никакого ущерба общественному порядку и добрым нравам» (статья 11)⁴². Что касается смысла этого условия свободы вероисповедания, он не суждался в комментариях, давно сделанных историей. Немусульмане могли иметь эту свободу только при условии полного подчинения османским султанам, их законам и администрации. Теперь это давнее положение было облечено в форму конституционной гарантии, которая больше вы-

³⁸ E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. Cilt VIII, Ankara, 1956, s. 296.

³⁹ Ş. Marđin. The Genesis of Young Ottoman Thought. Princeton, 1962, p. 331.

⁴⁰ См. об этом подробнее: Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение, с. 78—96.

⁴¹ Ahmed Saib. Abdul-Hamid'in evall sultanati. Meser, 1326 (араб. шрифтом), ss. 60—61; «Меджлис-и шариати», 26.1.1877.

⁴² Цит. по тексту конституции 1876 г., опубликованному в приложении к книге А. Убичини и П. де Куртейля (с. 216—218, 227).

глядела как угроза освободительным движениям нетурецких народов Османской империи. А если к этому добавить, что конституция 1876 г. объявляла ислам государственной религией (статья 11), а турецкий язык государственным языком, знание которого было обязательно для занятия государственных должностей (статья 18) и избрания в палату депутатов (статья 68)⁴³, то станет очевидным, что конституция 1876 г. была очень далека от подлинных гарантий равенства прав всех подданных империи. И весьма наивно было бы полагать, что с помощью подобного документа можно остановить национально-освободительную борьбу угнетенных народов османской державы, сформировать из них единую «османскую нацию». Последующие исторические события подтвердили несостоятельность подобных попыток.

К. Маркс писал в 1854 г. о намерении европейских держав добиться от Порты равноправия мусульман и немусульман: «Однако это либо равно ничего не означает, либо означает предоставление политических и гражданских прав как мусульманам, так и христианам, безотносительно к тому, кто к какой религии принадлежит, и вообще независимо от всякой религии. Другими словами, это означает полное отделение государства от церкви, религии от политики. Но турецкое государство, как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви, политики и религии. Коран является для Турецкой империи и ее правителей одновременно источником веры и закона. Но возможно ли уравнивать в правах перед кораном правоверного и гяура, мусульманина и райю? Это непременно означало бы на деле—заменить коран новым гражданским кодексом, другими словами, означало бы—разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей»⁴⁴. Ни реформаторы танзимата, ни конституционалисты 60—70-х гг. подобного результата не достигли, к нему и не стремились. Половинчатыми реформами, во многом остававшимися на бумаге, громкими фразами о единстве и «слиянии» они прежде всего стремились повернуть вспять освободительные движения нетурецких народов. Их османистские идеи широко использовали младотурки конца XIX—начала XX вв., пытавшиеся в своей борьбе с мрачной деспотией Абдул-Хамида II достигнуть политического союза с буржуазно-национальными партиями и организациями нетурецких народов. Этот кратковременный союз был в числе важнейших факторов победы младотурецкой буржуазной революции 1908 г. Но, как не раз бывало в истории, идеи не выдержали проверки практикой. Буквально через несколько месяцев после революции конституционный османизм младотурок стал быстро уступать место великодержавному шовинизму. Начавшие с призывов к «братству» и «равенству» всех народов империи лидеры младотурок окончательно разоблачили себя перед всем миром страшными актами геноцида армян в 1915 г., далеко опередив в этом «кровавого султана» Абдул-Хамида II.

Таким образом, деятельность турецких реформаторов в XIX в. была направлена против национально-освободительных движений нетурецких народов Османской империи. Их реформаторские акты не принесли этим народам столь горячо пропагандированного равноправия. А их идеологическая доктрина—османизм—была порождена желанием новой турецкой бюрократии периода танзиматских реформ и первых турецких конституционалистов спасти империю от развала. Использо-

⁴³ См. А. Убичини, П. де Куртейль. Указ соч., с. 218, 227.

⁴⁴ К. Маркс. Греческое восстание.—В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е, т. 10, с. 130.

вне этой доктрины младотурками вызывалось стремлением молодой турецкой национальной буржуазии сохранить целостность Османской империи в новых социальных и политических условиях, «обеспечить в перспективе свое господство на всей ее обширной территории. Жизнь показала, что планы эти были полностью лишены исторической перспективы».

**XIX ԴԱՐԻ ԹՈՒՐԲ ՌԵՖՈՐՄԱՏՈՐՆԵՐԸ
ԵՎ ՕՍՄԱՆՅԱՆ ԿԱՅՄՐՈՒԹՅԱՆ ՈՉ ԹՈՒՐԲ ԺՈՂՈՎՈՒՐԴՆԵՐԻ
ԱՉԱՏԱԳՐԱԿԱՆ ՊԱՅՔԱՐԸ**

Պատմ. գիտ. դոկտոր Յու. Ա. Պետրոսյան (Լեհիեզրադ)

Ա մ փ ո փ ու մ

Հողվածում ցույց է տրվում, որ Օսմանյան կայսրության ոչ թուրք ժողովուրդների ձգտումը ազատագրվել օսմանյան սուլթանների իշխանությունից, և այդ ձգտումը ճնշելու հետ կապված աճող ազամաքաղաքական դժվարությունները այն կարևոր գործոններից էին, որոնք կայսրության կառավարող շրջաններին ստիպում էին ռեֆորմների դիմել: Ուշագրավ է այն հանգամանքը, որ այդ երկրի պետական, սոցիալական և ազմական ինստիտուտների վերակառուցման ուղղությամբ սուլթանի և Բ. Դուան ձեռնարկած առավել կամ պակաս նշանակալից քայլերը հաջողում էին կայսրության ոչ թուրք ժողովուրդների ազատագրական պայքարում տեղի ունեցած խոշոր իրադարձություններին: Հողվածում փաստեր են բերվում այն մասին, որ բոլոր երանգների թուրք ռեֆորմատորները շանում էին կանխել օսմանների կայսրության փլուզումը ազգային-ազատագրական շարժումների հարվածների տակ: Տույց է տրվում, որ սուլթանի բոլոր հրապատակների «միաձուլման» գաղափարները, ինչպես նաև նրանց հիման վրա ձևավորված, պատմականորեն միանգամայն անհեռանկար օսմանիզմի դոկտրինան արդյունքն էին այն բանի, որ Օսմանյան կայսրությունում նոր ուղիներ էին որոնում անցյալում զենքի ուժով նվաճված ժողովուրդների նկատմամբ թուրքական տիրապետությունը պահպանելու համար: